

Чудо из Волшебного шара

КЭТРИН
ДОЙЛ

Книжка под ёлку

Кэтрин Дойл

Чудо из волшебного шара

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-93(417)
ББК 84(4Ирл)-44

Дойл К.

Чудо из волшебного шара / К. Дойл — «Издательство АСТ»,
2020 — (Книжка под ёлку)

ISBN 978-5-17-138665-8

Десятилетний Джордж случайно попадает в магазин диковинок Марли во время рождественской ярмарки, где получает в подарок стеклянный шар со снеговиком внутри. И вскоре с ним, его бабушкой и отцом начинают приключаться настоящие чудеса, а родной дом, парк, да и весь город меняются прямо на глазах. Как же иначе помочь отцу понять, что праздник необходим каждому взрослому не меньше, чем ребёнку! Для среднего школьного возраста.

УДК 821.111-93(417)

ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-17-138665-8

© Дойл К., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

1. Нечаянное чудо Марли	6
2. Скрудж у себя на кухне	15
3. Полуночный пикник	19
4. Настойчивый шар	22
5. Совершенно неожиданный гость	25
6. Ползучий пейзаж	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кэтрин Дойл

Чудо из волшебного шара

1. Нечаянное чудо Марли

Джордж Бишоп не был выдающимся мастером маскировки, но он знал, как надевать накладные усы. Он провёл пальцем по верхней губе и выровнял их с уверенностью злодея из какого-нибудь фильма о Джеймсе Бонде:

– Самое главное – не чихать!

Усы были изготовлены из мишуры и сверкали, отражённые светом раннего вечера, в глазах бабушки Фло. Она тихонечко постучала пальцем по кончику носа, сбоку, и по секрету сказала:

– Если нужно куда-то попасть тайком, шарм превыше всего!

Рождественская ярмарка в Гайд-парке развернулась перед ними, будто величественный город, огромный и оживлённый; его волшебные огоньки подмигивали Джорджу сквозь суетливую толпу.

– Называй меня мисс Омела Марпл, – сказала бабушка Фло, ускоряя от восторга шаг. – Я же тебе говорила – найдём!

Джордж широко улыбнулся:

– Ну, она вообще-то не пря...

Громкое ворчание оборвало его на полуслове. Улыбка испуганно слетела с губ. Мимо них протиснулся широкоплечий деловой человек в чёрном пальто, развевавшимся на ветру.

Джордж оцепенел.

– Это же...

Бабушка Фло продела руку ему под локоть:

– Он никогда нас здесь не найдёт, моя радость. А сегодня тем более. *Особенно* с твоей замечательной маскировкой.

Джордж облегчённо присел. Бабушка Фло права. Ранним вечером 23 декабря отец был на работе. Точно так же, как в любой другой день в году, в жару и в стужу, в выходные, в будни и в праздники – в каждую минуту, если она приносила доход. Хьюго Бишоп даже не *помышлял* о том, чтобы сделать из кабинета хоть шаг на улицу, особенно теперь, когда Рождество носилось повсюду, как зараза.

Молочные облака над головой наполнились обещанием снега, а в воздухе плыл аромат корицы. Вдохнув полную грудь манящего аромата, Джордж переступил ворота ярмарки.

Он был счастлив здесь, в чреве Рождества. Здесь можно наесться досыта мясных пирогов и сладкой ваты. Здесь можно разгуливать без опаски, спрятав лицо под усами из мишуры.

– Я их, наверно, не буду снимать, – сказал он бабушке на колесе обозрения. – Я в них делаюсь такой важный.

– Ты даже похож немного на Кларка Гейбла, – ответила бабушка Фло с набитым помадкой ртом, – одного из моих самых любимых артистов.

А потом, помолчав, добавила:

– Или, по крайней мере, на ручку рождественской метлы.

Она поправила своё тщательно подобранное рождественское украшение: заколку для волос в виде веточки остролиста – с яркими красными ягодами и нефритовыми листочками. Бабушка заколола её над левым ухом, и даже зелень бабушкиных глаз становились рядом с заколкой как будто ярче. Почти... до озорства.

Через несколько часов, когда луна уже карабкалась в фиолетовом небе, а ноги отяжелели, устав бродить по стране чудес, бабушка Фло сунула Джорджу в ладонь бумажку в пять фунтов:

– Сбегай-ка к Джино и купи себе горячего шоколада! – она показала рукой на ряд одинаковых деревянных киосков, которые стояли развёрнутые к карусели. – Мне оставишь пастилку. А я пойду закажу глинтвейн – пару-тройку.

Джордж припустил со всех ног. Ему казалось, что «Шоколад Джино» – это последний магазинчик в ряду, но, добежав, он обнаружил ещё один киоск, приткнувшийся с самого края. Украшения на киоске отсутствовали – за исключением перекошенной вывески, что висела над дверью.

Она гласила:

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ДИКОВИНКИ МАРЛИ

И ниже, мелким шрифтом:

Взрослые категорически не допускаются.

Вход по вашей прихоти

Джордж толкнул дверь, и над ней звякнул колокольчик.

Изнутри магазинчик, к изумлению Джорджа, оказался больше, чем он ожидал. И к тому же там было уютно. Свежие сосновые иголки покрывали пол и наполняли магазинчик ароматом хвойных деревьев. Над головой с низкого потолка свисали рождественские гирлянды, озаряя всё вокруг мягким свечением. Какие-то дети – мальчик и девочка – внимательно изучали ближайшую к двери полку. Они были немного помладше Джорджа и спорили из-за ярко-жёлтого мешка сладостей.

– У мамы аллергия на ириски, башка ты *дубовая!*

– Не путай с *нугой!* Это *громадная* разница!

В глубине магазинчика за деревянным столом, заваленным книгами, сидел старик и читал газету. Очки у него громоздились на самом кончике носа.

Старик посмотрел на Джорджа поверх очков.

Джордж приветственно поднял затянутую в перчатку руку:

– Э-э... здрасьте.

Старик – Марли, предположил Джордж, – вдруг свёл вместе кустистые брови и вперился в него пристальным взглядом:

– Возраст?

– Э-э... – шаркая ногами, Джордж обогнул кучку детей, которые восторженно щебетали возле стола посреди магазинчика, и подошёл поближе.

– Десять, – ответил он.

– И? – подсказал Марли.

– Десять... и четыре месяца?

Марли чмокнул губами:

– Столько волос на лице – необычно для десяти лет и четырёх месяцев. Не сказать, чтобы я не видывал этого раньше... – Он подозрительно сощурил глаза. – Однако это такая же редкость, как пурпурный олень.

– Пурпурных оленей не бывает, – сказал Джордж.

Марли уставился на него:

– Неужто?

От неловкости Джордж переступил с ноги на ногу.

– Это накладные усы. Всего только мишура.

– Понятно, – с сомнением произнёс Марли.

Внимание Джорджа отвлекла дата на газете.

– 1843 год? – поморгал он для верности. – А зачем вы это читаете? Это же 1843!

– Предпочитаю классику, – ответил Марли таким тоном, в котором явно слышалось: «Это же очевидно».

– Хм.

Взгляд Марли неожиданно вспыхнул ярко и пронзительно, пригвоздив Джорджа к месту. Потянулось молчание. Наконец, широко зевнув, старик вновь обратил внимание на события 1843 года.

– Тебе и правда десять лет и четыре месяца. – И он надменно дёрнул рукой. – Хлопушки бесплатно. По *одной* на ребёнка. Всё остальное за деньги.

– Хорошо. Спасибо.

Джордж отошёл к столу посреди магазинчика и сунул голову между столпившихся плеч. На столе колыхалась груда рождественских хлопушек.

Рыжеволосая девочка, потянув за хлопушку, только что отыскала внутри превосходно настроенную музыкальную шкатулку. А в хлопушке у её сестры оказалась живая бабочка – она порхала между девочками, и крылья её переливались серебром и золотом.

Рядом с ними два брата, раскрыв широко глаза, испытывали одинаковые миниатюрные телескопы.

– В моём видно *кита!* – щурясь в окуляр, захлебнулся от радости старший. – А в твоём что?

– Шарики, – мрачно ответил младший. И вдруг замер, и голос его подскочил на целую октаву. – Нет, подожди! *Планеты!* В моём видно Вселенную!

Джордж набрался решимости. Сердце в груди покатилося кубарем. Из груди на столе он вытащил ярко-красную хлопушку и разорвал.

Хлоп!

Все четверо детей обернулись и стали смотреть, как он перевернул хлопушку вверх ногами и тряс ею.

И тряс.

И тряс.

И *тряс.*

– Не трясись, не надо, – сказала рыжеволосая девочка с круглыми от сочувствия глазами. – Это Скрудж.

Джордж хмуро посмотрел на пустую хлопушку:

– Что ещё за *Скрудж*?

Девочка показала на фольгу, которая уже начала терять блеск у него в руках.

– Это хлопушка, где ничего нет. Так иногда бывает, – сказала она, возвращаясь к своей музыкальной шкатулке. – Не повезло.

Джордж положил хлопушку, и его взгляд упал на миниатюрную табличку на столе.

Строго по одной хлопушке на ребёнка.

ОСТОРОЖНО! *Скрудж!*

Удовольствие не гарантируется.

– Не очень-то честно, – пробурчал Джордж, но остальные уже не слушали. Они вновь принялись восторгаться своими подарками, оставив Джорджа наедине с разыгравшимся любопытством.

Он рассеянно побрёл от стола. Миновав ряд лошадок- качалок, которые смотрели на него снизу вверх сапфировыми глазами, он остановился у полки с надписью «ЗВОНЫ». Там размещалась внушительная коллекция колокольчиков. Изучив эту полку, Джордж обнаружил под ней другую – с надписью «ОЗОРНИКИ». На ней плечом к плечу сидели деревянные эльфы в ярко-зелёных колпаках. Их маленькие ножки болтались, свисая через край, глаза смотрели ничего не выражающим взглядом, а широкие лица беззубо скалились в чересчур широкой улыбке.

– Вот страх-то! – пробормотал Джордж, приседая на корточки.

Он готов был поклясться, что услышал в ответ чьё-то ворчание. Он оглянулся, но рядом никого не оказалось. Большинство детей уже ушли вместе с новыми игрушками, остались только те двое, которые спорили. Они стояли в противоположном конце магазинчика. Джордж подумал, что это, наверное, половицы скрипят под сосновыми иголками.

«ПОЧЕМУ БЫ НЕТ?» поразила воображение Джорджа невиданной коллекцией рождественских колпаков: там красовались шерстяные творения с огромными помпонами, и колпаки Санты – к каждому прилагалось облако бороды, и колпаки в полоску – каждая из них извивалась, и извивалась, и извивалась аж до самого потолка. Там были красные сверкающие носы и серьги, похожие на карамельные трости; остроносые эльфийские туфли с золотыми бубенчиками по краю и невероятный выбор шерстяных рождественских свитеров всевозможных размеров – даже такого крошечного, что впору только шмелю.

– А почему...

– Вопрос, как ты видишь, в том, *почему бы нет?* – резко перебил Марли, скрытый газетой. – Шмели – известные весельчаки. Как и многие другие животные, говоря по правде.

Джордж на мгновение представил, что облачил в рождественский свитер свою кошку Коко. Сколько бы ему досталось неудовольствия, даже и представлять незачем. Он двинулся дальше, мимо банок «*Веселительного джема*» (принимать по одной ложке), мимо коробок «*Словоохотливых чайных пакетиков*» (использовать только после школы), мимо стопок «*Воинственных бомбочек для ванны*» (изумительно неразборчивых), которые были искусно уложены вокруг большой синей жестянки леденцов «*Меланхолическая мята*» (доставьте себе радость катартического рыдания).

На «**СОВЕРШЕННО НЕВОЗМОЖНОМ**» стояли миниатюрные, не больше кулака Джорджа, дымовые трубы – из настоящего кирпича, и каждая посыпана сажей. Джордж готов был поклясться, что видел, как из одной трубы свисает в камин крошечный чёрный сапог – едва Джордж ткнул в него пальцем, сапог исчез. Полка рядом – «**НЕВОЗМОЖНО СОВЕРШЕННОЕ**» – полнилась восхитительными лакомствами: имбирными пряниками в виде Санта-

Клауса, рождественскими ёлками из печенья с корицей и кремовыми пирожными-снежками. Блестящие этикетки сулили *«Рождество в каждом кусочке»* и *«наслаждение до последней крошки»*.

Джордж наткнулся на язвительных брата и сестру у полки под названием «РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ХОРАЛЫ». Они сосредоточенно изучали строй стеклянных птичек, пытаясь выбрать между лазурной птицей и соловьём. Всякий раз, когда они брали в руки одну, чтобы рассмотреть получше, птица превосходно щебетала какую-нибудь рождественскую мелодию. А на полке ниже, с табличкой «РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СКАНДАЛЫ» те же самые птицы, стоило до них дотронуться, самозабвенно предавались сердитым воплям и пронзительным хриплым визгам. Взяв с полки первую попавшуюся, Джордж немедленно возвратил её на место и отошёл прочь, изливаясь под свирепыми взглядами брата и сестры быстрым: *«Извините-извините-извините!»*

Он оказался возле надписи «НЕЧАЯННЫЕ ЧУДЕСА».

Это была полка со стеклянными шарами. Церкви, дома, города, деревни – целые миры, населённые крохотными фигурками, кружились в мягком, будто пёрышко, снегу. Джордж внимательно рассмотрел все, один за другим, а когда добрался до последнего, у него перехватило дыхание.

Дрожащими пальцами Джордж снял шар с подставки и поднёс к глазам. Шар был почти пустой, если не считать одной знакомой фигурки.

– Так не бывает, – прошептал Джордж.

На этот раз Марли не сказал ничего.

Джордж вглядывался сквозь стекло внутрь шара. Оттуда на него смотрел кривобокий снеговик – одним глазом ему служила синяя пуговица, а другим – жёлтая, как солнце. Улыбался снеговик полумесяцем бирюзовых бус – это было ожерелье матери Джорджа. Нос торчал ярко-оранжевой морковкой, а на голове, похожей на шишковатую луковицу, сидела знакомая тёмно-зелёная фетровая шляпа с потёртыми краями. Она принадлежала отцу Джорджа. *«С неё, Джорджи, и начался модный период в моей жизни, – слышался в голове у Джорджа отцовский голос. – Искорка цвета порой может изменить мир до неузнаваемости».*

Дыхание Джорджа окутывало шар туманом.

Это был не просто снеговик.

Это был снеговик *Джорджа*.

Как-то утром в Рождественский сочельник они слепили его все втроём во дворе старого дома бабушки: катали, поднимали, составляли, обтёсывали... У папы покраснел нос, у мамы онемели пальцы, зубы у всех стучали от холода, но сквозь стук прорывался счастливый смех.

«Мне кажется, дорогой, его зовут Фред».

«Наш идеальный неидеальный Фред».

Где-то позади Джорджа прозвенел колокольчик.

Старик Марли зашелестел газетой.

– Возраст?

– М-м. Одиннадцать.

– И?

Робко в ответ:

– Одиннадцать... и три четверти.

Если бы Джордж не оказался в эту минуту так безнадежно потерянным в глубинах собственного прошлого, он наверняка бы узнал этот голос.

– А маленькой?

– Клементине шесть.

Голос помладше взвыл, как сирена на маяке:

– ШЕСТЬ ЛЕТ И ОДИН ДЕНЬ, ВООБЩЕ-ТО.

Клементина.

Джордж не услышал имени.

– Я КОЗЕРОГ. КАК ИИСУС.

– М-м, – оценивающе протянул Марли. – А ты совершенно уверена, Клементина, что тебе тайно не исполнилось тридцать семь? А то вон там стоит мальчик с пышными усами. В наше время чего только не бывает.

Девочка довольно хихикнула:

– УВЕРЕНА!

Некоторое время слышалось только любопытное шуршание, потом дважды раздалось весёлое «хлоп!», и двое детей с неразборчивым шёпотом погрузились в изучение содержимого рождественских хлопушек.

В другом конце магазинчика Джордж боялся даже пошевелиться. А вдруг он возьмёт и исчезнет – тот самый мамин смех, который так неожиданно стряхнул с себя пыль в дальних закоулках памяти?

Кто-то хлопнул его по плечу:

– Джордж!

Он так испугался, что едва не разбил стеклянный шар. Он резко обернулся.

На него с удивлением смотрела двоюродная сестра. Она стала выше с их последней встречи, но волосы были всё такие же кудрявые, а глаза всё такие же каштаново-карие. Её глаза Джордж не спутает ни с какими другими.

– Б-Бобби, – залопотал он, – чт-что ты тут делаешь?

– Это и правда ты, Джордж! Не могу поверить, – Бобби с изумлением покачала головой. – И не где-нибудь, а *здесь!* Мы с тобой не виделись уже... – она вдруг замолчала, и щёки налились румянцем. – Ну, после похорон.

Джорджу только и хотелось, чтобы земля поглотила его, прожевала и в придачу как следует переварила.

– Да... Сто лет.

– ПРИВЕТ, ДЖОРДЖ! – возникла рядом с сестрой Клементина, размахивая в знак приветствия скомканной красной фольгой. – А МНЕ УЖЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ШЕСТЬ. ТЫ ЗНАЛ?

Джордж посмотрел сверху вниз на свою младшую двоюродную сестру. Над шарфом из сосновых шишек расплывалось в широчайшей улыбке её лицо. Если ей и не хватало передних зубов, их вполне заменяла её восторженность.

– С прошедшим тебя днём рождения, Клем!

– ДЖОРДЖ, У ТЕБЯ ГУСЕНИЦА НА ЛИЦЕ!

Он вспомнил вдруг про свои усы, и от неловкости у него зазвенело в ушах. Одним болезненным рывком он содрал усы с лица.

Клементина пронзительно закричала.

Скрипнуло кресло, и старик Марли вскочил на ноги:

– Какого Диккенса там происходит?

– Не пугайся, Клем, – прошептала Бобби. – Это такая игра.

Джордж показал на комок фольги в руке у Клементины.

– Ты уже взяла хлопушку? – сменил он вдруг тему разговора, будто подбросил в воздух монетку. – Что тебе досталось?

Клементина перевела дух и кивнула. Она развернула фольгу и показала крохотную белую снежинку.

– Бобби сказала, она называется «Вечная снежинка». – Клементина нахмурилась и повертела подарок в руках. – Она, кажется, несъедобная. – Для верности девочка попробовала края снежинки на зуб и скривилась. – На вкус как дерево.

– А у меня *«Вырасти рождественский торт»*. – Бобби протянула на ладони глазированный рождественский торт размером точь-в-точь с монетку в один фунт. – Надо, видимо, только добавить воды.

С огромным подозрением Джордж покосился на крошечный торт.

– А помнишь, как однажды на Рождество ты съел четыре куса торта, а потом целый час лежал? – сказала Бобби. – Ты ещё пропустил игру в «Рисовалку».

Джордж покраснел:

– Да, помню.

– Ты ещё рисуешь? – спросила Бобби. – Вы с твоей мамой были такой хорошей командой.

Никто из нас не мог с вами сравниться.

– Нет почти, – сказал Джордж, не в силах припомнить, когда в последний раз брался за карандаш. – Сейчас трудно придумать, что рисовать.

– ДРАКОНОВ! – выпалила Клементина.

Джордж улыбнулся:

– Хорошая идея, Клем!

Клементина просияла от гордости:

– Почему ты пропал, Джорджи? Мы скучаем.

У Джорджа в горле застрял комок из слов, которые ему хотелось сказать: *«Я тоже скучаю. По всем, даже по Мелку. Иногда по ночам, если я много об этом думаю, мне хочется плакать»*.

– Ой, э-э... ну...

– А тебе что досталось? – спросила от смущения Бобби. Она показала на стеклянный шар у него в руке. – Как он вообще поместился в хлопушку?

– А, это? Нет. Нет, это не моё. У меня ничего не оказалось в хлопушке. Мне достался Скрудж. Не повезло. Я просто смотрю. – Джордж поставил стеклянный шар обратно на полку и взглянул на часы с кукушкой, которые висели высоко на стене. – Мне пора. Бабушка Фло уже, наверно, ищет.

– И что, тебе всё ещё нельзя разговаривать с нами? – удручённо спросила Бобби. – Удивительно, что тебе хотя бы разрешили прийти сегодня сюда.

«Расставаться, Джордж, всегда нелегко, – послышался голос отца в голове у Джорджа. – Но полная разлука быстрее излечивает сердце».

– Рад был встретиться с вами, – Джордж впился зубами в нижнюю губу и опрометью бросился за дверь. Старик Марли настороженно посмотрел ему вслед.

«Ты должен поверить, Джордж. Я знаю, что для тебя лучше».

Бабушка Фло вертелась из стороны в сторону возле «Шоколада Джино». Когда она увидела внука, её лицо просияло, а волосы вспыхнули в темноте ярким серебряным ореолом.

– Вот ты где, моя радость! Прости, я немного задержалась. Встретила Марту, с которой играю в бридж, и готова поклясться, что эта стервятница нацепила мой новый шарф. Я забыла его на прошлой неделе. – Она сердито нахмурила брови, и в напевном звучании её ирландского голоса проступил гнев. – Эта женщина украдёт даже лак у меня с ногтей, если я перестану присматривать. Честное слово, это... Ох, Джорджи, у тебя все глаза красные! Ты что, плакал?

– Да я просто содрал усы, – сказал Джордж, уводя её прочь от «Рождественских диковинок Марли». От пресыщенного приторной сладостью воздуха ему вдруг стало нехорошо. – Пойдём домой.

– Джордж! Подожди!

Бабушка Фло мельком глянула через плечо.

– Ага! – осенила её догадка. – Ты, наверно, хочешь поговорить, моя радость? Я подожду тебя здесь.

Джордж повернул назад, с трудом протискиваясь сквозь приливную волну шапок с помпонами и покусанных морозом щёк. Подошла Бобби и протянула к нему руку. На затянутой в перчатку ладони лежал стеклянный шар.

– Старик не захотел его завернуть. Сказал, что торгует «диковинками», а не «глупостями». Большая разница, видимо, – пожалала она плечами, глядя вниз на носки ботинок. – У меня было с собой только три фунта и двадцать два пенса, но старик сказал, что это стоит именно столько, и это, наверно, судьба. Прости, что я там так. Ты ведь не виноват, я знаю. С Рождеством, Джордж!

У Джорджа в горле будто кулак застрял.

– Спасибо, – кое-как выдавил он из себя.

– Знаешь, мама с папой всегда говорят, как им хочется, чтобы вы снова пришли к нам на Рождество. Как раньше. Может, придёте?

– Мы останемся дома в этом году, – поспешно ответил Джордж. – Но всё равно спасибо. Бобби снова пожалала плечами.

– Ты всё равно скажи папе. И бабушку Фло мы тоже все ждём. Только не Коко. Мелок её страшно боится.

Джордж улыбнулся:

– Да, я помню.

– Правда, Джордж? – спросила она тихонечко.

– БОББИ, ДАВАЙ БЫСТРЕЙ, Я ХОЧУ ПОМАДКУ!

Голос Клементины разлетелся над ярмаркой, оборвав разговор. Бобби вздрогнула и побежала назад. Джордж даже не успел ничего ответить. Только смотрел ей вслед. И вдруг он заметил тётю Алису. Она стояла с Клементиной и дядей Илаем у карусели и смотрела на него маминими глазами. Большими и блестящими. Улыбка – такая же, как у мамы, – кривилась на губах.

Последний раз Джордж видел тётю Алису на костылях – левая нога упрятана в гипс выше колена, а лицо в свежих царапинах напоминало картину на стене. Она не могла даже поднять на него глаза. Она только трясла головой и повторяла: «*Простите, простите, простите*», – а отец Джорджа, с прямой спиной и побледневшим лицом, отбивал, словно битой, каждое слово: «*Пожалуйста, перестань, Алиса. Пожалуйста, перестань*».

Воспоминание пробежало по нему, словно дрожь, и он заморгал глазами, чтобы вернуться в настоящее. Он вдруг понял, что дядя Илай держит что-то в руках. Свёрток из одеяла.

Нет – это не свёрток. Это ребёнок.

Новый двоюродный брат или сестра.

Алиса подняла руку, но Джордж уже отвернулся. Слова, не успевая оформиться, застредали в горле.

«Какие-то люди должны оставаться в прошлом, Джордж. Они будут только напоминать нам о нашей утрате».

У Джорджа сдавило грудь, когда он пробирался сквозь толпы людей, прочь от своей семьи.

В автобусе по дороге домой они сбросили с себя Рождество, будто плащ, выбросили в мусор остатки сладостей и смахнули с капюшонов сахарную пудру. С тяжёлым протяжным вздохом автобус отъехал от ярмарки, и в это самое мгновение, будто чихание мотора окончательное развеяло всё волшебство от путешествия в страну чудес, у бабушки Фло зазвонил телефон. Звонок отзывался в воздухе, как сирена, а экран заполнило имя Хьюго Бишопа.

Джордж вжался в сиденье. Три долгих года прошло с тех пор, как его отец впервые отменил Рождество. И не только ёлку, но и рождественские чулки и подарки. Игры, индейку, и соус, и хоралы, и даже рекламу по телевизору. Стало нельзя даже говорить о Рождестве. Не только с кем-то ещё, но даже с самим собой.

С Рождеством покончено, Джордж. Оно не вернётся.

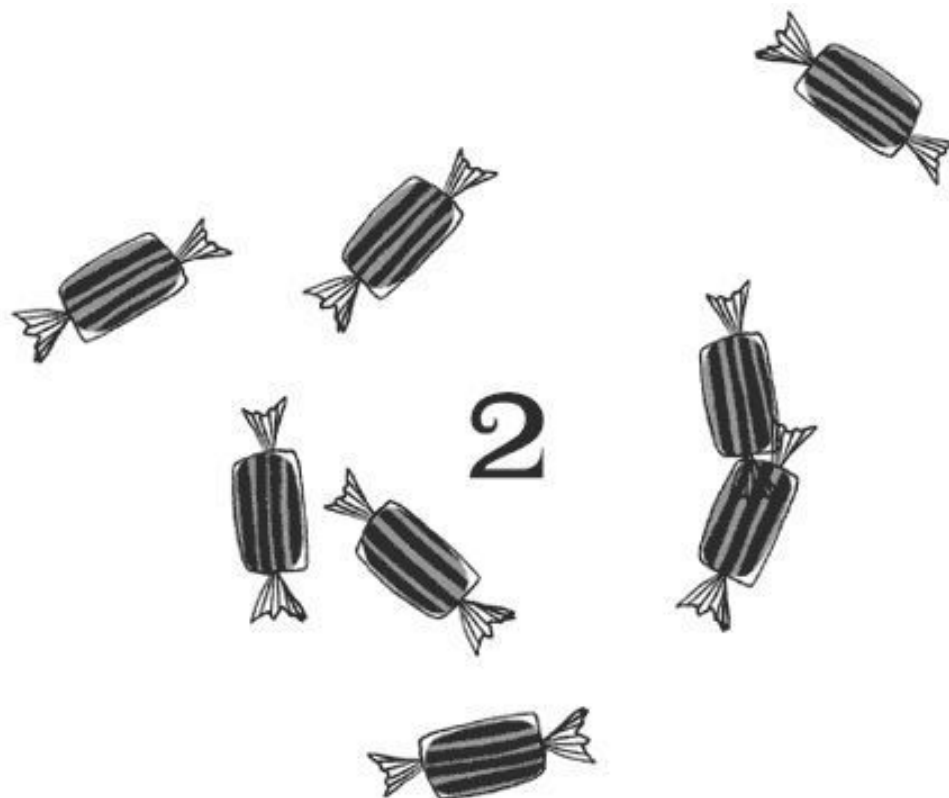
Праздновать больше нечего.

Джордж сунул руки в карманы. Через два дня наступит Рождество, а настроение у отца было как нельзя хуже. Джордж пробежал пальцами по новенькому стеклянному шару. На ощупь нечаянное чудо было прохладным.

Но волшебство старика Марли уже приходило в движение.

И Джордж, сам ещё не зная, захочет испытать его до последней капли.

2. Скрудж у себя на кухне

Когда Джордж с бабушкой возвратились домой, Хьюго Бишоп сидел, дожидаясь их, за кухонным столом. В приглушённом свете кухни огонь из духовки погружал его в тень. В чёрном деловом костюме, с густыми бровями и бледным лицом, он казался призраком, неясно очерченным в темноте.

– И который, по-вашему, теперь час?

Джордж прошаркал на кухню впереди бабушки, которая не спускала тёплой руки с его плеча. День, скрашенный мишурой и возможностями, припустил в галоп и окончательно скрылся вдали. Лунный циферблат часов показывал 9:07 вечера.

– Привет, папа!

– Прости, что мы поздно, Хьюго. Я *совершенно* потеряла счёт времени, – беззаботно прошептала бабушка Фло. – Ты же знаешь меня: я как белка – легко увлекаюсь всем. Ты ведь ещё не поел без нас?

– Я поел на работе, – отец показал на духовку позади себя, где под грилем разогревалась пицца. На столе рядом с плитой лежала разорванная упаковка. По ней сверху вниз бежали красные буквы: «Гавайский пир». – Думал вас угостить, – сказал он, почти не взглянув на сына.

– О, *замороженная пицца!* – радостно воскликнула бабушка Фло. – Просто праздник, Хьюго.

Привлечённая новыми голосами, из гостиной выплыла Коко и принялась тереться о ногу Джорджа, словно говоря: «*Немедленно обрати на меня внимание!*». Джордж наклонился и почесал ей за ушами, а тем временем бабушка Фло, подойдя к духовке, извлекала оттуда пиццу и что-то напевала себе под нос.

– *Мама!* – строго произнёс отец.

Она оборвала песню, и осторожные нотки «Весёлого Рождества вам!» улетучились вместе с дымом из духовки.

– Прости, моя радость. Я не подумала.

Она поставила пиццу на стол, и отец принялся нарезать её так, словно в руке у него был не нож, а топор, и вместе с пиццей он хотел разрезать ещё и тарелку.

– Для тебя взял, где побольше ананасов, – сказал он, подталкивая к Джорджу тарелку.

Джордж почесал нос, чтобы тот не сморщился:

– Здорово...

Удовлетворённый, отец откинулся на спинку стула. Он начал что-то пролистывать в телефоне – отражение экрана засветилось в глазах. Урчал холодильник, часы на стене тикали чересчур громко. Джордж, скovyрнув со своего куска пиццы ананас, попытался скормить его Коко, но безуспешно – ананас не произвёл на неё никакого впечатления. И Джордж вдруг понял, что ему хочется вновь очутиться в хаосе магазинчика Марли, в неутомном оживлении карнавала.

– Хм, – нахмурился, глядя в телефон, отец.

Бабушка Фло повертела на стене выключатель и залила отца ярким светом.

– Как прошёл день, Хьюго? – многозначительно поинтересовалась она. – Ты решил вопрос с жильцами в Пиквикском переулке? Из-за которого ты сегодня *орал* в шесть утра? Я уж думала, ты в туалет провалился.

– В это время года, мама, приходится всего ожидать, – ответил отец, не отрывая взгляда от телефона. – Люди считают, что можно задерживать квартирную плату и винить в этом праздники. Думают, видимо, что я Санта-Клаус.

Он скользнул рукой в карман, достал карамельку и принялся шумно рассасывать.

Отец Джорджа владел компанией «Жилые дома Бишопы». Как настоящий потомок основателя, Уолтера Бишопы, уже давно почившего, Хьюго относился к своим обязанностям с той же серьёзностью, с которой Коко относилась к своим – шпионить за их соседом мистером Дубицки. В последние годы эти обязанности прочертили на лбу отца новые морщины и разбросали по тёмным волосам первые седые пряди. Джордж нередко задавался вопросом, из-за чего они происходят, эти перемены. То ли и правда потому, что отец руководил преуспевающей компанией по управлению недвижимостью, то ли из-за того, что он безнадежно пытался впихнуть все эти электронные письма, все эти звонки, совещания в малюсенькую дырочку своей жизни, куда они совершенно не помещались.

– Всё просто. Если не хватает денег на квартирную плату, не ходите и не покупайте бессмысленные подарки, о которых никто не вспомнит уже в январе, – разглагольствовал отец Джорджа с оттопыренной мятной конфетой щечкой.

– Порой немного праздничного настроения может скрасить весь предстоящий год, – сказала бабушка Фло, затыкая выбившуюся прядь волос за ухо. – Когда я ещё была девочкой, мы, конечно, едва сводили концы с концами. Я всё ещё помню, как у отца протекала крыша там, в Дублине. Как мы выставляли все кастрюли, какие имелись, и собирали дождевую воду. И всё же мы прилагали все силы, чтобы нарядить ёлку, отправить подарок-другой нашим...

– Мама! – отец укоризненно вскинул палец ко лбу. – Нельзя этого носить, ты же знаешь!

На ярмарке заколка совершенно не выглядела неуместно, но здесь, под флуоресцентным освещением кухни, где Рождество соскребли со столов, будто грязь, усыпанная драгоценными камнями веточка остролиста стала вдруг торчать, как нарыв на пальце.

Бабушка Фло вынула заколку из волос и посмотрела на неё с изумлением:

– Надо же! И как только она попала туда?

– Ты же знаешь, как я отношусь к вещам подобного рода, – угрюмо произнёс отец.

Бабушка Фло повертела заколку в руках:

– Это всего лишь заколка, Хьюго. Она у меня с детства.

Джордж присмотрелся к заколке чуть-чуть поближе. Сияющие драгоценные камни. Блестящие края. Для вещицы, которая пережила несколько десятилетий, она выглядела слишком новой.

– Я знаю, мама, – утомлённо сказал отец. – Но я прошу тебя ещё раз, как уже просил, хранить её в шкатулке для драгоценностей. В нашем доме Рождество не празднуют. Мы договорились, что так будет лучше.

– А я вот вообще ни о чём не договаривался, – проворчал Джордж.

– Ну, ты в то время был очень расстроен и почти ни с кем не разговаривал. Это мне выпало принимать верное решение, – отец многозначительно посмотрел на бабушку Фло. – Для каждого из нас.

– Что ж, возможно, настало время пересмотреть это решение, Хьюго, – сказала она осторожно. – Мы можем провести завтрашний день все вместе, снова отпраздновать Сочельник как одна семья. Установить *новые* традиции...

Отец Джорджа раскрошил в зубах карамельку:

– Нам хорошо и так, мама.

– Нет, не хорошо. Мы как замороженные, – бабушка Фло махнула рукой на пустые стены, на молчаливый дом. – Ради всего святого, сынок! Немного рождественского настроения ещё никого не погубило.

Отец Джорджа ударил кулаком по столу. Дерево задрожало, крошки пиццы подскочили на тарелке, словно хотели сбежать. Коко метнулась Джорджу под стул.

– Это *Рождество* погубило Грету, или ты, мама, *забыла*? – взорвался отец. – Поэтому я, сколько буду жив, не забуду. И Джордж тоже, если на то пошло. Он потом не спал несколько месяцев. Ты не помнишь?

У Джорджа затряслись пальцы. И нижняя губа. В груди бушевал огонь, и ему отчаянно хотелось вырвать его оттуда.

– Разумеется, помню, Хьюго. Именно поэтому я сюда переехала, – спокойно произнесла бабушка Фло. – И уж лучше я буду здесь с вами обоими, чем одна в этом старом доме в окружении сквозняков и воспоминаний о том страшном дне. – Она тяжело взглянула. – Но прошло три года. Нельзя вот так взять и отгородиться от...

– Ты хочешь снова позвать его? Вернуть его в нашу жизнь? Призрак этого жуткого Рождества? – кричал отец, как будто не слышал из сказанного бабушкой ни слова. – Нет! Категорически нет! И я буду признателен, если ты, живя здесь, не будешь тащить этот призрак ни в дом, ни в свою причёску. И покончим на этом!

Бабушка Фло открыла рот и закрыла снова. Повисла долгая тишина, только отец Джорджа дышал, присвистывая носом. Бабушка, казалось, сдалась. Она опустила плечи и сунула заколку в карман кардигана.

– Хорошо, Хьюго, – вздохнула она. – Будь по-твоему.

Отец только нервно кашлянул. Ссора прошла, но оставила позади себя тёмную тень. Она нависла над Джорджем, и в этот момент – то ли от внезапного приступа храбрости, то ли от вида бабушки, поникшей рядом с ним, как цветок, – он решил: с него хватит.

И резко отодвинул стул от стола:

– Не кричи на бабушку! Она хочет как лучше.

– Доедай, Джордж.

– Я не голодный.

– Ты съел только один кусок.

– Да я *терпеть не могу* эту пиццу с ананасами! – Джордж сердито посмотрел на отца. – Я терпеть не могу, когда ты командуешь бабушкой.

– Хватит, Джордж! Ты прекрасно знаешь, что Рождество провоцирует...

– Неправда! – вскочил на ноги Джордж, опрокидывая с грохотом стул. – Может, мама и умерла в Сочельник, но это не Рождество её погубило. Это *зима*! Это ледяные дороги, и сильный снег, и плохие шины, и... это *не повезло*!

– Если б Алисе не вздумалось отправиться в магазин за этим *чёртовым* марципаном...

– Мама любила Рождество больше всего на свете. И ты тоже, пока она не умерла! – рыдания сдавили Джорджу горло. – Да пусть бабушка носит всё, что захочет! И песни пусть поёт, какие захочет! А... а... а... – он судорожно глотал воздух трясущимися губами, – а если тебе не нравится, тогда ты просто-напросто С... С... С... СКРУДЖ!

Отец встал, но Джордж уже отвернулся. Он стремглав бросился прочь из кухни, а следом за ним Коко. Сквозь решительный топот шагов он всё же расслышал недоумение в отцовском голосе:

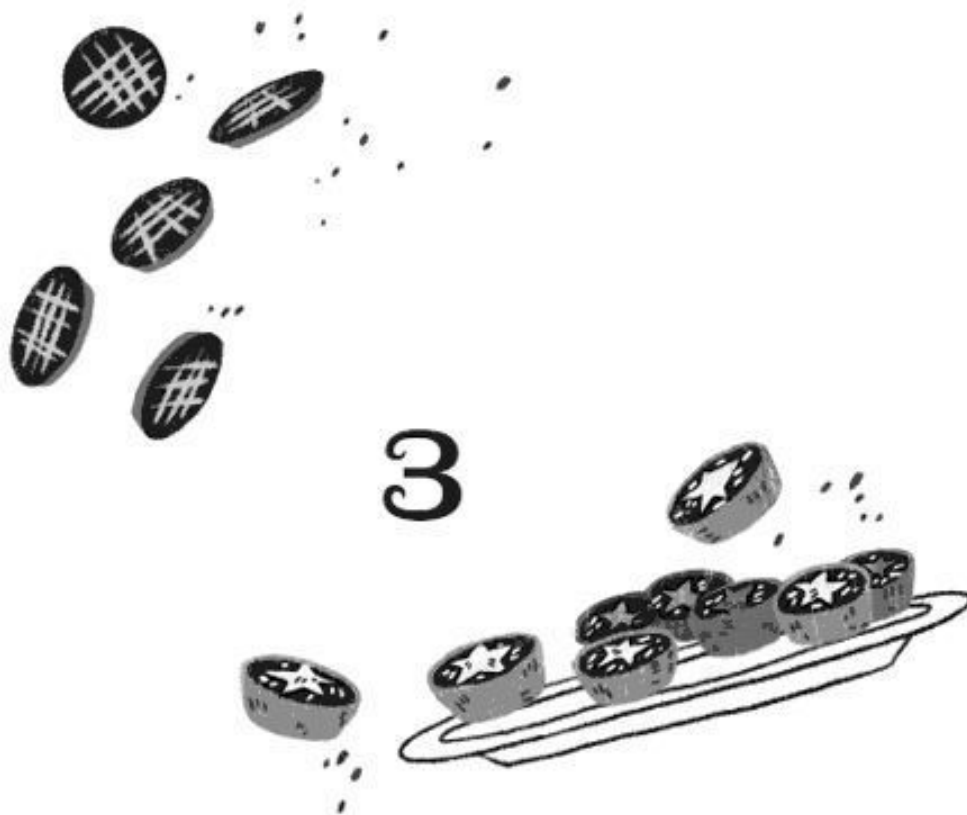
– Это что ещё за Скрудж?

– По-моему, это пустая рождественская хлопушка, Хьюго, – со вздохом сказала бабушка Фло. – Нечто, лишённое *целиком* и *полностью* всякой радости.

– О! – воскликнул отец. Он не успел произнести больше ни слова, как Джордж влетел в свою комнату, хлопнул дверью и прижался к ней спиной.

Он скользнул на пол, и крупные слёзы хлынули по щекам.

3. Полуночный пикник

Некоторое время спустя в дверь к Джорджу постучали. Он перекатился на ноги и стал яростно вытирать рукавом щёки.

Дверь, скрипнув, приоткрылась, и в щель грациозно скользнула рука, размахивая белым чайным полотенцем, как флагом:

– Я пришла с миром.

– И с чем-нибудь поесть тоже? – с надеждой спросил Джордж.

Из-за двери показалась голова бабушки Фло в ореоле серебряных кудряшек.

– Ещё бы! – воскликнула бабушка Фло, словно это было что-то само собой разумеющееся. Глаза у неё сияли из-под очков, но морщины вокруг глаз стали глубже. – А у тебя, моя радость, кажется, нос заложен. Ты как себя чувствуешь?

– Хорошо, – сказал Джордж, откашливаясь от хрипоты. – Я как раз собирался идти чистить зубы.

– О, замечательно! Я как раз вовремя, – бабушка Фло проскользнула в комнату, держа в руках тарелку перегретых мясных пирогов.

У Джорджа заурчал живот.

– Как же тебе удалось пронести *их* мимо папы?

– За тридцать лет работы секретным агентом разведки, Джордж, чему-нибудь да научишься.

– Я думал, ты была учителем пения.

– Да неужели?.. – ухмыльнулась бабушка Фло и закрыла дверь задом. – Кем бы я ни была, раз уж ты стал свидетелем моей контрабанды, я думаю, самое разумное будет избавиться от улики. Ты не против?

Джордж уже стаскивал на пол пуховое одеяло и бросал на него подушки.

– Можешь не уговаривать! – сказал он, опускаясь на пол.

Они сели, упираясь спиной в кровать Джорджа, и раздвинули широко ноги, как тряпичные куклы. Комнату будто захлестывала цветная волна. Джордж с мамой красили её вместе – для стен они выбрали самый яркий голубой цвет, какой только сумели найти, а потом Джордж держал стремянку, пока мама, запрокинув голову, превращала потолок в Млечный Путь. Звёзды простирались над ним каждую ночь и напоминали о ней.

Бабушка Фло залезла в карман и извлекла оттуда шесть шоколадных палочек.

– И не говори, что я никогда тебя не балую, – сказала она, подкладывая припрятанное печенье к имеющейся добыче. – В них столько сахара, что нам с тобой хватит продержаться до утра.

Джордж широко улыбнулся, щёки его были набиты непрожёванными пирогами, словно у хомяка:

– А знаешь, если говорить о полуночных пикниках, этот вовсе не так уж плох.

– Ах, какая бабушка не захочет услышать такое признание! – мечтательно воскликнула бабушка Фло. – *Не так уж плох!*

Их покой нарушил шум в доме: далёкое эхо тяжёлых шагов разлетелось по коридору, следом хлопнула дверь. Джордж откусил ещё кусок мясного пирога, скрывая прилив досады:

– Уж лучше бы он проспал всё Рождество. А то для всех только хуже делает.

Бабушка Фло поправила над ухом своенравную прядь:

– Не сердись на папу, Джордж. Зря он сорвал на тебе свой гнев.

– И на тебе тоже зря, – буркнул Джордж, и знакомая искорка злости напрягла позвоночник. – Почему ты не накричала в ответ?

Бабушка Фло откинула голову назад:

– Наверно, потому, Джордж, что несмотря на папин возраст и несмотря на мой, он всё ещё мой ребёнок. И ему *плохо*. Он боится, когда ему напоминают о маме. – Глаза у бабушки затуманились. – Это самый отчаянный страх из всех страхов на свете. Он ищет выхода и может прикинуться чем угодно. Гневом. Чёрствостью. Безрассудством. – Она схватила с тарелки мясной пирог и повертела в руках. – Совершенно необъяснимым пренебрежением к Рождеству.

– Значит, он только *притворяется*, что терпеть не может Рождество? – с сомнением произнёс Джордж.

– Я думаю, он терпеть не может воспоминания, которые навевает праздник, – просто ответила бабушка Фло. – Но это, в общем, одно и то же.

– Ага.

И, прогоняя напряжённость, Джордж погладил себя по груди, а бабушка – тёплыми кругами по спине. Мало-помалу кулак, сжимавший ему сердце, ослаб, и он снова мог дышать свободно.

В затянувшейся тишине, отрываясь от полуночного пира, бабушка Фло тихонько запела. За долгие годы жизни её голос не раз озарял стропила школьных спортивных залов и больших концертных, своды церквей и театров. Он звучал на перекрёстках улиц и в маленьких кофейнях, на фольклорных фестивалях и нередко, словно это было для неё делом чести, каждый караоке-бар – поначалу в Дублине, а потом, когда она отправилась за море, чтобы начать новую жизнь с дедушкой Джорджа, и в Лондоне. Муж умер, когда отец Джорджа был ещё маленьким, но бабушка Фло никогда не переставала петь.

Джордж совершенно не мог понять, как это ей удавалось. Его столик возле кровати был весь завален старыми блокнотами, которые уже рассыпались на сгибах, а идеи для рисования иссякли давным-давно. Искусство, как и многое другое в его жизни, казалось, принадлежало прошлому. Он перестал даже общаться со школьными друзьями. Вместо футбольных матчей по выходным или походов в клуб игровых автоматов с Беном и Самиром он теперь устраивал

одиночные марафоны на своей PS4 или читал графические романы, сидя на чердаке в старом потёртом кресле, которое очень любила мама.

Песня закончилась, а вместе с ней и пикник оказался почти уговорён. Оставалась единственная шоколадная палочка. Джордж предложил её бабушке Фло.

Она разломала палочку надвое и протянула ему половинку:

– Моему соучастнику в тайном деле.

Она поднялась и поцеловала его в макушку:

– Так будет не всегда, моя радость. Я тебе обещаю.

И Джорджу отчаянно захотелось поверить ей.

– Пока жива надежда, будет жить и малюсенькая возможность перемен, – улынулась бабушка Фло. – У меня, кстати, такое странное ощущение, будто Рождество возвратится к нам даже быстрее, чем мы думаем. – Она сунула руку в карман и протянула Джорджу стеклянный шар Марли. – И это мне, кстати, напомнило, что я кое-что вытащила у тебя из пальто. Я думаю, не будет большого вреда припрятать в комнате немного праздника перед сном.

Джордж благодарно взял в руки стеклянный шар:

– Спасибо, бабушка!

Она неспешно двинулась в темноту:

– Сладких снов, Джордж! Радостных и ярких!

Сытый и довольный после пирогов и песен, Джордж переоделся в пижаму и почистил зубы. Он уже почти засыпал, когда снова раздался стук в дверь. На этот раз дверь не открылась. Послышался глухой стук – к дереву прижался лоб.

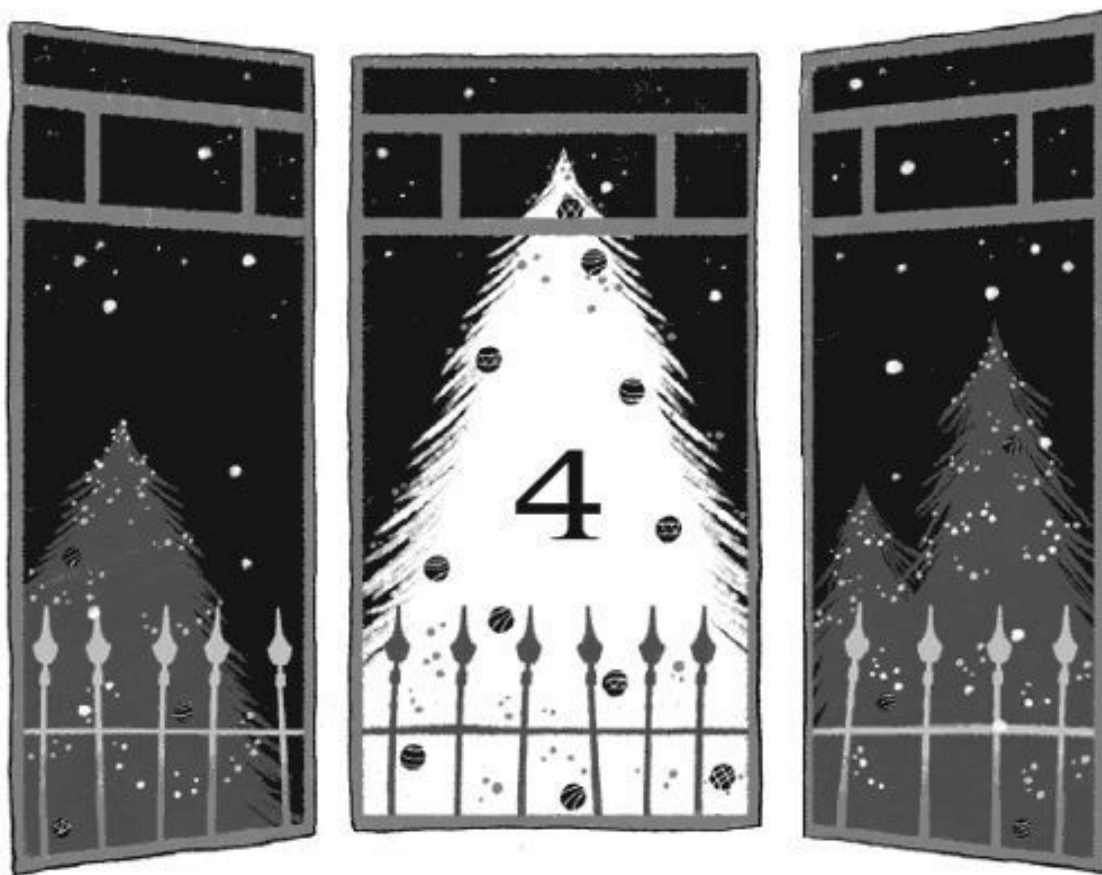
– Мы с тобой как голову потеряли, Джордж. Я потерял. Такое уж это, видимо, время года. По крайней мере, через пару дней всё закончится. – Голос отца звучал так глухо, что Джорджу приходилось прислушиваться. – Я надеюсь, ты понимаешь: я делаю всё для твоего же блага. Я хочу только, чтоб ты был счастлив. И хорошо спал... Ты уже спишь, наверно, да? Ладно. Спокойной ночи, сынок.

За три долгих года это было самое радостное поздравление сына с Рождеством от Хьюго Бишопа.

Джордж перевернулся на другой бок и натянул одеяло до подбородка.

Но от таких поздравлений немного радости.

4. Настоячивый шар

Джордж неожиданно проснулся в 12:33 по полуночи. Густой серый мех застил глаза и тяжёлая лента тянулась от виска к виску. Коко снова спала у него на голове. Он осторожно подвинул её в сторону и сел. На столике у кровати ярко сиял стеклянный шар Марли. Сморщив в замешательстве брови, Джордж рассмотрел стекло. Он никак не ожидал, что шар обернётся светильником, но так и случилось: шар заливал комнату мягким светом.

Как странно!

Джордж накинул на плечи синий халат, сунул ноги в тапочки-медведи и взял шар с собой.

Мягко ступая, он шёл по коридору, шар оттягивал карман, и Коко, не отставая от хозяина, лупила по карману лапой. За спиной раздавался храп Хьюго Бишопы и разлетался по всему дому, будто далёкий гром. Грохот проследовал за Джорджем в гостиную. Шторы были раздёрнуты, и лунный свет расплескался по полу. Снеговые облака наконец сдались и щедро рассыпали над Лондоном Рождество, словно блёстки.

Джордж прижал лоб к окну. Сколько он себя помнил, он жил в доме номер 7 по улице Эбенизера, в стройном ряду белых домов, которые выходили окнами в парк. Парк украсили к Рождеству – вдоль витой чугунной ограды мерцали огоньки. Посреди парка возвышалась ёлка, обильно украшенная красно-золотыми игрушками. Часто, когда отец задерживался на работе, а бабушка предавалась бриджу, или пению в хоре, или каким другим тайным проделкам, Джордж вставал у окна и воображал, что ёлка принадлежит ему. Просто она слишком большая и не помещается в гостиной.

Сегодня – так Джорджу казалось – ёлка будто пришла из сказки. Несмотря на поздний час, он заметил, как по дорожкам, усыпанным листьями, бродит молодая пара. А мистер Дубицки откинулся на скамейке возле утинового пруда и запрокинул голову в беззвёздное небо. Он ловил снежинки кончиком языка.

Коко расположилась рядом на подоконнике и, взглянув на картину за окном, недоверчиво мяукнула.

А шар в кармане у Джорджа всё теплел и теплел. Джордж вынул шар, и тот разгорелся ярче прежнего. Нахмурясь, Джордж перевернул шар в поисках выключателя.

Его не было.

Джордж внимательно посмотрел на знакомого снеговика. Это всё меньше походило на случайность и всё больше на... на что-то другое.

– Ты иногда мне снишься, – прошептал он, перемещаясь из мира за окном в мир внутри себя. – В тот день, когда мы тебя слепили, папа смеялся в последний раз.

В тот день, вечером, умерла мама, и небеса рухнули на землю.

Джордж осел на диван. Коко запрыгнула к нему на колени. Он не мог оторвать глаз от шара.

– Пусть только папа вспомнит, как было весело в этот день!

Коко прижалась лапой к стеклянному шару, словно хотела сказать: *«И мне тоже этого хочется»*.

Над камином, у них над головами, маячил величественный портрет, написанный маслом. Сколько Джордж себя помнил, Уолтер Бишоп, его пра-прадедушка, основатель компании «Жилые дома Бишоп», занимал в гостиной дома номер 7 по улице Эбенизера самое видное место. Он был изображён в поле, стоя под огромным дубом и ловко забросив на плечо охотничье ружьё.

На других стенах виднелись белые квадратики – на их месте когда-то висели мамины картины. Нет ничего удивительного в том, что Грета, обожая яркие краски, стала художником-иллюстратором. Дядя Илай даже говаривал, что сёстры Гирхарт, ежели пожелают, смогут околдовать и кобру или заставить покатываться от хохота королевскую гвардию. Когда-то мамины работы придавали дому неповторимое очарование. А теперь они все оказались на чердаке вместе со старой одеждой и фотографиями, её любимыми книгами, креслом и украшениями.

Испуганное мяуканье вновь приковало внимание Джорджа к стеклянному шару. Шар сиял в руке миниатюрной луной и так разогрелся, что его пришлось перебрасывать с ладони на ладонь, будто горячую картошку. Стекло дрожало, перелетая туда и обратно. Снег кружил вокруг улыбающегося снеговика и ложился белыми хлопьями на зелёную шляпу. Свет вспыхнул – яростно, ослепительно – и вдруг погас.

Джордж ахнул. Он повертел шар в руках и даже потряс, но ничего больше не происходило.

И всё равно он ждал.

И ждал.

– *Странно.*

Коко выгнула спину и, не скрывая скуки, соскочила с дивана и потрусилась прочь. Джордж с неохотой сунул шар обратно в карман халата. Потом натянул на себя покрывало и свернулся под ним калачиком.

Смятение вскоре уступило усталости, и в тишине глаза Джорджа налились тяжестью.

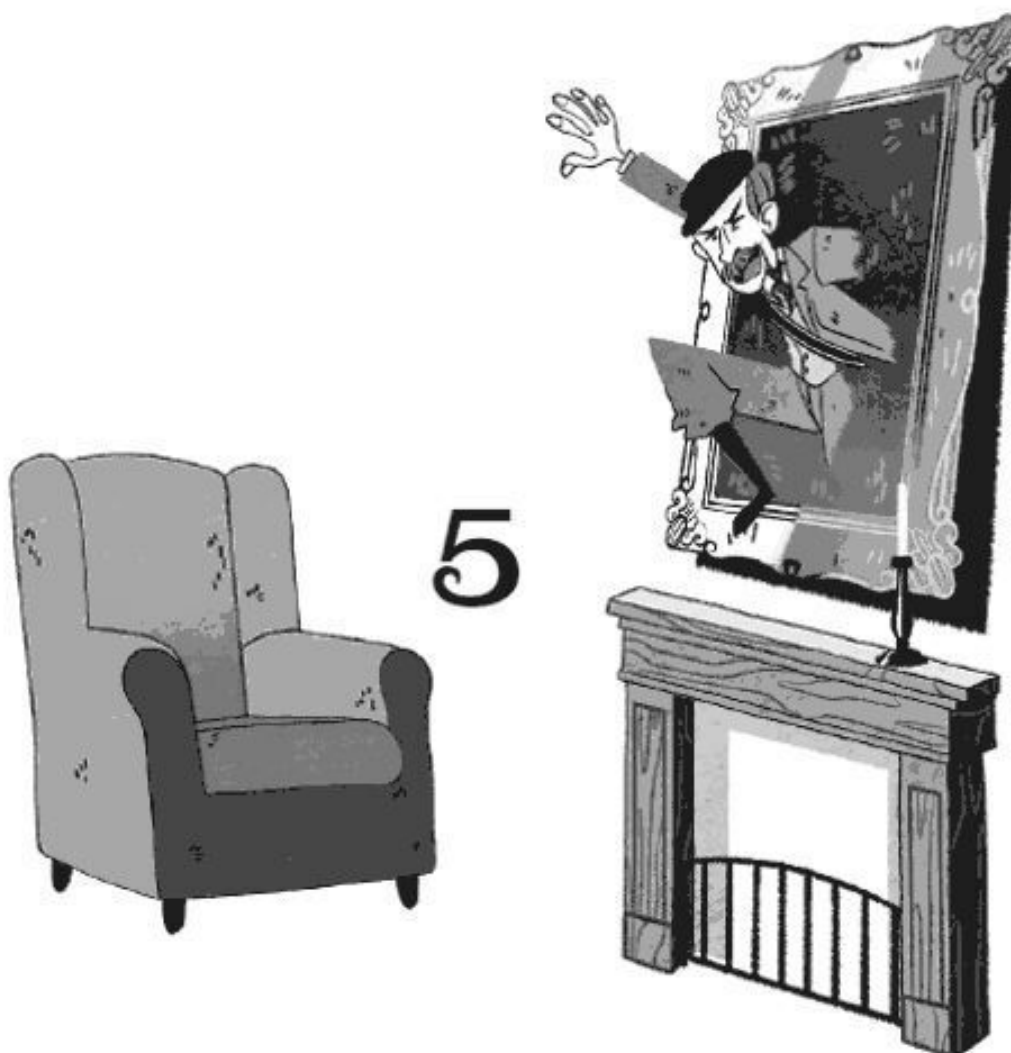
Лёгкое постукивание снега в окно убаюкивало его, и он скоро уснул. Засыпая, он не заметил, как в кармане халата разворачивается волшебство. И пока ему снились холмистые поля и танцующие снеговики, чары старика Марли просочились из шара завитком серебряного дыма. Дым неспешно поплыл к камину и закружился столбом под золочёной рамой портрета.

Коко смотрела во все глаза, как воздух начал мерцать и ткань времени слегка приоткрылась возможностью перемен.

Где-то в снежной дали часы пробили час ночи.

А в гостиной дома номер 7 по улице Эбенизера нарисованный маслом Уолтер Бишоп поднял руку и поправил галстук.

5. Совершенно неожиданный гость

Примерно три с половиной минуты спустя Джордж пробудился от какого-то ворчания.
– Эй! Ты, там! – раздался громоподобный голос. – Мальчишка с унылыми глазами, рас-
трёпанными волосами и слюнявым ртом. Ты, ты. Всё верно. Подбородок вытри. Смотри весе-
лей. Мне нужна помощь – и *поживее*, если возможно.

Джордж подскочил на диване, стряхивая с глаз остатки сна. Он огляделся, пытаясь отыс-
кать в темноте говорящего:

– Папа? Это ты? Я не вижу.

– Смотри *выше*, парень! – В темноте нетерпеливо щёлкнули пальцами. – Слушай, откуда
голос!

Джордж вздёрнул лицо и увидел, что на каминной полке стоит согнувшись какой-то
взрослый. Одна рука бестолково молотила по воздуху.

– Теперь видишь? – помахал пальцами взрослый. – Не так уж трудно!

Джордж соскочил с дивана.

– В-в-вы кто? – заикался он, отступая назад. – К-к-как вы здесь оказались? Я вызываю
полицию!

– Да как ты смеешь! – усы взрослого оскорблённо дрогнули. – Я тут с самого начала!

Стеклянный шар в кармане у Джорджа раскалился добела. Шар прижимался к ноге, напоминая о своём существовании... и своей *необычности*.

Только теперь Джордж заметил, что другая рука взрослого застряла *внутри* портрета.

– Не может быть! – Джордж подкрался ближе, присматриваясь повнимательней к согнутой фигуре. Длинные тёмные волосы наполовину скрыты под кепкой. На плече болтается охотничье ружьё. Джордж ахнул, будто его ущипнули:

– Повисите немного...

– А я что делаю?! В том-то и вся беда, парень!

– Вы Уолтер Бишоп? – спросил Джордж, быстро моргая, чтобы удостовериться лишний раз. Это был невероятный вопрос, но чем ближе подкрадывался Джордж, тем больше он в том убеждался. Вблизи лицо взрослого оказалось по-странному размытым. Даже в темноте было заметно, что лицо покрывала не кожа, а... в общем, масляная краска.

– Верно подмечено, Шерлок! – нетерпеливо произнёс взрослый. – Что, на портрете ещё кто-то прячется?

Джордж вытянул шею. Портрет был почти пуст – в раме оставались только левая рука и левый сапог Уолтера Бишоп, отчего тот напоминал муху, угодившую в ловушку. Джордж готов был поклясться, что на него вдруг подул ветерок, и услышал, как зашелестели на дубе листья.

– Это всё так *странно*, – пробормотал Джордж и потёр глаза: кажется, ему и *правда* не снится. – Ничего не понимаю.

– Ты про картину? – раздражённо пропыхтел Уолтер. – Я в своё время уже *говорил* Модии я *знаю*, что портрет слишком преувеличен. Но давай откровенно: если уж ты не в состоянии заказать изысканный портрет самого себя в полном расцвете жизни, дабы будущим поколениям было чем восторгаться, когда тебя не станет, какой смысл заводить такой чудесный костюм из твида? Если уж это хорошо для Ван Гога, так для меня и подавно. По крайней мере я имел совесть заплатить художнику за работу. Ничто не говорит о самовлюблённости более, чем автопортрет.

Джордж никак не мог поверить в происходящее.

– Нет, я хотел сказать, что не понимаю, потому что... ну, вы же умерли. – Он замолчал, ещё больше насупив брови. – И *давным-давно*.

– Ну и что с того? – воскликнул Уолтер Бишоп. – Хватит уже тянуть канитель, Джордж. Ты ведь не станешь отрицать, что я проявил достаточно терпения. У тебя ровно пятнадцать секунд, чтобы осмыслить чудо, которое тебе явилось. А потом ты захлопнешь рот, подойдёшь сюда и сделаешь хоть что-то толковое. Иди помоги мне выбраться из этой окаянной картины, пока я не потерял палец. А то и хуже – мой лучший галстук.

В их разговор вмешалось хриплое *«мяу»*. Коко выползла из-за дивана и сверлила горящими глазами Уолтера Бишоп. Во взгляде кошки читалось презрение, которое она обычно приберегала для Пылесоса Генри.

– А вот *ты*, усатая, будь любезна, займись-ка лучше своими делами, – зашикал на кошку Уолтер. – Коль скоро у тебя нет противостоящих больших пальцев, взять с тебя нечего.

Джордж набрался решимости и твёрдым шагом подошёл прямо к камину:

– Так. Вы хотите выбраться.

– Нет, я хочу остаться здесь и упражняться в выпадах, – сухо отрезал Уолтер. – Стой, не шевелись. Плечи выпрями. – Он наклонился из рамы и, с силой положив руку на плечо Джорджу, едва не вдавил его в ковёр. – Не двигайся! И не дыши. По возможности.

– Подождите! А что мне с вами делать, когда вы оттуда выберетесь? – запаниковал вдруг Джордж, представив, как его сварливый отец столкнётся лицом к лицу со своим ожившим прадедом, написанным масляными красками.

Уолтер дёрнул в ответ усами. Пожать плечами в его положении было бы затруднительно.

– Что, Джордж, не думаешь наперёд? А стоило бы, прежде чем меня вызывать.

– Я вас не вызывал! – запротестовал Джордж. – Я спал!

– А ежели я обследую твои карманы, я, выходит, не обнаружу в них магического артефакта? Некий стеклянный шар, который ты тряс всего лишь три с половиной минуты тому назад. Ты это хочешь сказать, *м-м*? Меня что, по-твоему, смыло оттуда последним ливнем? – Уолтер высвободился рывком ещё на один дюйм, ружьё скользнуло по руке вниз и ударило Джорджа по щеке.

– *Ай!*

– Осторожно, Джордж. А то сила тяжести и та против тебя.

– Подождите! Раз вы знаете про стеклянный шар, – с нарастающей тревогой произнёс Джордж, – значит, вы *поэтому* здесь?

Он вспомнил слова, которые прошептал снеговика, и как после этого шар вспыхнул ярко, будто падающая звезда. *Пусть только папа вспомнит, как было весело в этот день!*

– Отрадно видеть мозги Бишопа за усердной работой, – сказал Уолтер. – Хотя и заметно, что они малость разжижены.

От потрясения и ещё, пожалуй, от недостатка храбрости Джордж даже не огрызнулся. Он растерянно смотрел на своего предка, чьё лицо зависло в нескольких дюймах от него. Предок был живой. Он был *здесь*. Однако от него просто оглушительно пахло краской.

– Откуда мне было знать, что он *натворит*?

– Вот тебе мой совет, – Уолтер выдернул из рамы левую руку. – Если не знаешь, что может произойти, не надо ничего без конца *трясти*. Всё, кончай дуться. Дай сюда руки. Сапог туго заклинило, нужна твоя помощь. Будешь тянуть со всей силы. И убери этот комок шерсти, если не хочешь новый коврик на Рождество.

Коко бросилась через всю комнату и от страха скользнула под книжный шкаф.

– Сообразительная, хоть и несколько неприятная, – оценивающе заметил Уолтер. – Я лично предпочитаю лошадей. Или карликовых ленивцев. Их, конечно, попробуй ещё найди – ужасная редкость.

Джордж обеими руками вцепился в запястье прадеда. Кожа Уолтера оказалась на ощупь прохладной и странно грубой. Собрав воедино все силы, Джордж потянул Уолтера за руку.

– *Сильнее!* – приказал Уолтер Бишоп.

Джордж потянул сильнее.

– *Сильнее!*

И сильнее.

– *Ещё сильнее!*

Ещё сильнее.

Рама скрипнула, и картина отошла от стены.

– Да ради всего святого, парень! Ты что, никогда не убирал пастернак? – вспыхнул Уолтер Бишоп, едва не касаясь носом лба Джорджа. – Напряги спину!

– *Напряг*, – стиснул зубы Джордж.

Из последних сил – даже мышцы вопили от напряжения – он потянул ещё раз, и послышалось наконец долгожданное «*скри-ип!*», и следом, издав раскатистый возглас «*уф!*», Уолтер Бишоп высвободился из портрета и головой вперёд полетел на Джорджа.

Они с грохотом повалились на пол. Рама, в которой не осталось ничего, кроме девонского пейзажа, качнулась назад и ударилась о стену, засыпав Джорджа и Уолтера дождём красочной пыли.

Джордж закрыл голову руками, а Уолтер Бишоп вытянулся в полный рост и твёрдо прижал руки по швам.

– Ну, что, где твой заблудший отец?

И отец Джорджа, будто услышав вопрос, влетел в дверь гостиной.

– Кто здесь? Немедленно покажитесь! – приказал он, перескакивая порог и испуганно размахивая клюшкой для гольфа. – Я с оружием и не боюсь его применить.

Не успел Джордж вымолвить даже слово, как Уолтер Бишоп вскинул охотничье ружьё и нацелил его отцу Джорджа прямоком в лоб:

– Ну, что ж. Значит, нас двое.

6. Ползучий пейзаж

Хьюго замер с поднятой вверх клюшкой для гольфа в руках:

– Кто это?

Джордж ударил кулаком по выключателю, и комната осветилась вспышкой флюоресцентного света.

– Не стреляйте, Уолтер! Это мой папа!

– Ой, *глаза!* – закричал Уолтер. – Бога ради, поверни затемнитель, ты, мушкетон!

Клюшка для гольфа выпала из рук Хьюго и грохнулась на пол. Он взглянул на пустую раму над камином, потом на Уолтера, и у него отвисла челюсть – как показывают в мультфильмах:

– Это что... Нет. Нет, не может быть.

Стоя в гостиной в доме номер 7 по улице Эбенизера, Джордж не мог не изумиться тому, как похожи оказались его отец и Уолтер Бишоп. Волевой подбородок, тёмные брови, глубоко посаженные голубые глаза – да они были почти близнецами! За одним исключением: вместо дорогого костюма из твида и такой же кепки Хьюго Бишоп был облачён в полосатый халат, и волосы торчали у него над ушами как попало. И усов у него, к счастью, тоже не было.

– Что, неплохо для призрака? А? – гордо ухмыльнулся Уолтер. – Мне удалось сохранить все свои волосы.

У отца Джорджа вырвался сдавленный крик. Румянец иссяк на его лице, и оно стало белым, как стена позади него. Хьюго всем телом прижался к ней.

– Как бы то ни было, я рад, Хьюго, что ты образумился и не станешь меня громить. – Уолтер бросил ружьё на ковёр. – Сказать по правде, ружьё не заряжено. Стрелок из меня ужасный. Я просто подумал, что на портрете будет смотреться отлично.

– Джордж, – тихим голосом начал отец. Его глаза были прикованы к Уолтеру, и он очень старался не моргнуть. – Если ты настоящий, если хотя бы ты не игра моего воображения, прошу тебя, прямо сейчас пойдёшь на кухню и вызови скорую.

Джордж гордо прошествовал по комнате:

– Конечно, я настоящий. Я стою прямо перед тобой.

– И бабушку разбуди. – Губы отца уже всю тряслись, по вискам бежали капельки пота. – Скажи, что у меня от нагрузок галлюцинации.

– Боже мой, Хьюго! – фыркнул Уолтер. – Хватит, заячья ты душа!

– Джордж, он со мной *разговаривает*, – сдавленным голосом пробормотал Хьюго. – Лицо, как у моего прадеда, и ещё обзывается.

Джордж судорожно глотнул пересохшим горлом и попытался отогнать страх, что случайно навлёк на дом ужасную беду. Он скользнул рукой в карман, и мягкое тепло стеклянного шара Марли напомнило о том, что в эту самую минуту вершилось невозможное. Ничего другого Джорджу не оставалось – только довериться шару.

– Пап, ты не бойся, – как мог, принялся успокаивать отца Джордж. – Мне кажется, он нас не обидит.

Уолтер скользнул рукой в карман пиджака и вытащил золотые часы:

– Что ж, *твои* пятнадцать секунд прошли. Нам давно пора в путь.

– Пора в путь? – переспросил Джордж.

– Вы *никуда* не пойдёте с моим сыном, – решительно заявил отец.

Уолтер протянул руку к картине над камином и скрючил палец, будто подзывая собаку:

– На что поспорим?

Раздалось оглушительное «*скри-и-ин!*».

На какую-то долю секунды потолок – Джордж готов был в этом поклясться – раскололся надвое, но не успел он повернуть голову, как перепугался и того больше: ствол дуба вжался в пустую раму портрета, словно заглядывал в комнату, желая рассмотреть всех присутствующих.

Травинки свисали с холста, как пальцы. Поначалу их было немного. Осторожно, будто нащупывая дорогу, они коснулись каминной полки, и тут картина неожиданно потеряла терпение. Рама затряслась, дуб широко раскинул ветки, а всё поле вздыбилось гигантской змеей, у которой с изнанки болтались и камни, и корни, и черви, и комья земли. Змея метнулась в гостиную, легко перескочив раму, и бескрайним зелёным ковром полетела к полу, поглощая всё на своём пути.

– Папа, берегись! – Джордж прыгнул, пытаясь удержать пошатнувшийся книжный шкаф, пока он не придавил их обоих.

Картина исторгла утробный звук, и сквозь её поверхность пробилась наружу кривая ветка дерева. Рама треснула, а ветка всё росла и росла, и всё больше деревьев толпились позади. Извиваясь и переплетаясь, в комнату вылезали ветки и листья, щебетали, влетая, птицы.

Воплощение чуда оказалось столь же поразительным, сколь неотвратимым. Девонский пейзаж заползал в гостиную, и ни Джордж, ни его отец ничего не могли с этим поделать. Хьюго Бишоп схватил с пола клюшку для гольфа и принялся бешено размахивать ею.

– Прочь, прочь, прочь! – вопил он веткам, которые склонялись вокруг, сплетаясь одна с другой. – Нас не возьмёшь без боя!

А Джордж вовсе даже не думал отбиваться. Он, напротив, стоял с разинутым ртом и таранился то на белку с пушистым хвостом, которая прятала про запас в очаге жёлуди, то на снегиря, который чирикал на каминной полке. Даже Коко с перепугу не помышляла изловить и съесть птицу.

– Неплохо, да? – возник рядом с Джорджем Уолтер. – Чуть-чуть волшебства – и вот что происходит!

Тем временем отец Джорджа беспрестанно размахивал клюшкой и крушил всё вокруг.

– Только не в моём доме! – завопил он, опуская клюшку, будто лезвие гильотины, на куст боярышника. – Получай, чудовище лепестковое!

– Нет, это не его звёздный час, – вздохнул Уолтер.

Листья продолжали прибывать. Они высыпались из рамы, взмывали в высоту балдахин, захлёстывали гостиную бесконечным зелёным потоком. Джордж уже не видел под ними дивана. Он даже не успел оглянуться, как дерево прокралось у него за спиной и проросло на месте книжного шкафа. Пол густо зарос луговой травой. Она щекотала Джорджу лодыжки, когда он бежал к отцу. Тот стоял, глядя в упор на дрожащего оленёнка.

– Что, думаешь, можно расхаживать по моей гостиной посреди ночи и пялиться своими невинными карими глазками? *М-м?* – Хьюго Бишоп грозно похлопал клюшкой по ладони. – Вот что я тебе скажу, Бемби. Твой поступок называется *незаконным вторжением*, за это можно арестовать, и я этого *добьюсь!*

– Смех и грех! – пробормотал Уолтер.

Джордж с силой вырвал клюшку из рук отца:

– Отстань ты от оленёнка, папа! Подыши! *Вдох!*

Отец сделал глубокий вдох. Воздух со свистом залетел в нос и наполнил грудь. Все стояли не шевелясь.

– Я чуть, наверно, голову не потерял.

– Немного, – ответил Джордж.

– Выставил себя полным идиотом, – воскликнул Уолтер.

Хьюго закрыл глаза:

– Я сейчас в обморок упаду.

Джордж посмотрел на Уолтера. Тот стоял посреди травянистых руин, что когда-то назывались их гостиной.

– Что нам теперь делать?

Глаза Уолтера просияли:

– Ну, Джордж, это ведь твоё чудо. – Он показал на картину, которая продолжала изливаться на каминную полку. – Можно встретить его с открытым забралом, – и он вытянул руку к двери гостиной, – а можно повернуться спиной и молить, чтобы оно тебя не настигло.

Джордж посмотрел на бескровные щёки отца.

– Я не хотел его пугать, – сказал он негромко. – Я просто хотел, чтобы он *вспомнил*.

– Так *покажи* ему! – с вызовом в голосе воскликнул Уолтер и ткнул пальцем в треснутую раму портрета. – Великие перемены, парень, требуют смелости. Они требуют *действия*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.